

HURT

Она завывает как пожарная сирена, за два квартала слышно.

– На помощь! На помощь! Маааааа!

Маргарет сто лет. У нее юный, мощный, ничуть не тронутый временем голос.

Кричать она может часами, чисто, звонко. Лицо остается спокойным, только глаза немного краснеют.

– Это не я, клянусь вам, это ангелы! Оставьте меня!

Грязная, никчемная старуха. Неопрятная истеричка, способная вопить по четыре часа без остановок. Разлагающаяся плоть. Боже, как она воет.

Говорят, была певица и известная актриса. Обольстительная, вечно юная, неповторимая. Пела, танцевала, головы кружила. Маргарет Харт. Мамина любимица.

– У меня вчера родился ребенок, он пропал, ты не видела ребенка?

Маргарет никогда не была замужем. И семьи не было. Только она и мама.

– Мне уже 37, не спорь, у тебя добрые глаза. Уходи!

Срывает с себя одежду – всю, до последнего клочка, а потом спит как убитая. Просыпается и опять хохочет, плачет, твердит, что не виновата.

Мама! Мама! Братья ее ненавидели, потому что им маминой любви уже не досталось. Потом ее ненавидели дети братьев. Ждали, когда умрет.

А она их всех пережила. Кажется, остались еще какие-то дальние родственники, в Сиднее. А только некому уже помнить, что она еще есть. Некому ненавидеть.

Когда она кричит, остальные старички в приюте тоже возбуждаются. Ссорятся, ругаются, плачут. Поэтому ее увозят, в замысловатом инвалидном кресле, похожем на комфортабельную яму, и оставляют в сумрачной комнате одну, кричать и звать маму, которой нет.